

Иван Васильевич Присмотров:
«Мы знали: фронт без нас не обойдется»

Говорят, дети повторяют судьбы своих родителей. Котельничанин Иван Васильевич Присмотров – крестьянский сын – гордился ими. Они были достойными людьми, такими же воспитали и своих детей. Присмотровы жили в добротном доме в деревне Гудковщина: на целый километр растянулись 75 домов вдоль дороги. Особенно красиво смотрелось селение по весне, в море цветущих садов, будто облитых сметаной.

Он хорошо запомнил, как он с детьми вовлекался в работу, которой всегда было много. Это была не прихоть родителей, а жизненная необходимость – большое хозяйство требовало посильного участия каждого члена семьи. В деревне все родители думали о детях, как их вырастить, воспитать, дать образование, выдать замуж. У матери на всех хватало ласки и тепла, у отца – сил и умения трудиться, чтобы в доме был достаток. Отец был человеком мастеровым, уважаемым, имел много друзей. Мама шагом ходить так и не научилась. Бывало, пока всех дел не переделает, не присядет.

Когда первенец Ваня немного подрос, родители предложили ему дело по силам: пастушить на пару с одноклассником колхозных овец. Мальчишки были в восторге, особенно понравилось, что в помощь им дали овчарку. Впечатлений за день было море! Всё лето проводили в лугах: босиком, в простых рубахах, взъерошенные, загорелые купались в речке, обедали на свежем воздухе, играли, жгли костры...

Они тогда ещё не понимали, какой ужас, голод и страх принесёт война.

22 июля сорок первого года разом перевернуло судьбы людей в деревне. В этот день Присмотровы, как обычно, поднялись ни свет ни заря: быстро и дружно управившись с домашними делами, отправились на сенокос. Ваня помнит, как прискакал в луга нарочный со страшной вестью, помнит, как мужчин на войну провожали, и женский плач помнит, который над деревней стоял. Сразу же призвали и Ваниного отца.

- Уходя на фронт, отец посадил нас троих в избе на лавку, чтобы взглянуть на прощанье, обнял каждого, расцеловал, а мне сказал: «За старшего остаешься в семье», - вспоминает Иван Васильевич. – Долго бежали мы за батей по пыльной дороге, пока колонна не скрылась из вида...

С этого дня жизнь у девятилетнего Вани началась взрослая. И не потому, что он в семье старший был, а потому, что в деревне остались старики, женщины да пацаны – некому было пахать и сеять, и работать пришлось за взрослого. Война унесла всю радость и веселье, начались тяжёлые военные годы.

– Правильно, что в День Победы в центре внимания всегда ветераны – это они добыли победу, – говорит Иван Васильевич. – Но работа в тылу была тоже сродни подвигу. Ради победы страна и люди жертвовали всем. Я хорошо помню деревню в войну: бабы на тракторах, хлеб из травы, вспашка приусадебных участков на коровах. Работали, можно сказать, бесплатно, за

трудодни, прозванные «палочками», на которые ничего не давали. Вся надежда была на усадьбу: сажали овощи, картофель, сеяли полоску, чтобы хлебом себя обеспечить. Тяжким бременем ложились на колхозников налоги, которые доводили до каждого хозяйства. Разве можно забыть похоронки, горем убитых матерей и вдов, которые не сломались, а непосильной работой заглушали душевную боль? Столько пережито, столько пропущено через сердце!

Поучиться мне довелось четыре класса. Придётся, бывало, после уроков и куда-нибудь едешь: то за соломой, то за сеном для колхозного скота. Это была ребячья работа. Позднее моих сестёр мобилизовали на военные заводы: одну – в Харьков, другую – в Пермь. Обе там и остались, получили профессии, вышли замуж.

Особенно тяжело было, когда возили зерно на подводах в Парюг. Иногда в обозе до десяти лошадей было. Дорога была ужасной. Едешь девять километров в потёмках по глине и не знаешь, доберёшься или нет. На первую лошадь, если она не боялась, фонарь вешали. На пристани старались быстрее разгрузить подводы. Несёшь по трапу 50-килограммовый мешок, ноги подкашиваются, и лишь одна мысль в голове: только бы не упасть, только бы не осрамиться.

В войну мы редко досыта ели – чаще голодными спать ложились. На налоги уходило всё: молоко, масло, шерсть, яйца. Сдашь молоко – обратно привезут обрат, вот им и питаешься. Скот держать не разрешали, косить не давали. Не зря говорят: голод в мир гонит. Зимой с пацанами мы даже ходили за подаванием в Свечинский район – там почему-то люди лучше жили. Чем наделят, то и брали. Больше, помню, хлеб давали. Кусок дадут – ты и рад. Детишки помладше на лугах траву собирали на лепёшки, так бригадир ещё и оговаривает – траву колхозную топчете. Колоски в поле собирали, но тоже с оглядкой: время-то было суровое.

Эвакуированным тоже несладко в тылу пришлось. Привыкшие к городским удобствам, они долго осваивали деревенский быт, не было ни радио, ни света, жили при лучине. Керосин привозили в бочке и делили его на всю деревню. Кто-то покупал семилинейные лампы, а кто побогаче, – десятилинейные. Керосина не хватало, купить его было негде: до Котельнича 60 километров, до Макарья – 25. Горе и трудности настолько нас сблизили, что расставались после войны со слезами.

Работали в войну без выходных и отпусков, отдыхать было некогда. Клуба в деревне не было. Собирались по очереди у кого-нибудь в избах: послушаешь новости, поиграешь в карты – вот и все развлечения. Праздники не отмечали. Какие праздники, когда голод! Вот война закончилась, тогда и начали праздновать – Октябрьскую, день Победы... Общие столы накрывали: пекли хлеб, ватрушки, баранов резали, пиво деревенское варили. За столом мужчинам поллитровку выдавали, а пацанам – по четушке. Помню, как первый раз я выпил полагающуюся мне четушку. Естественно, сразу же свалился. Дома мать устроила мне такую взбучку – до сих пор не забыл. Иногда нас, пацанов, за труд поощряли. Я был счастлив, когда мне костюм

подарили, а потом рубаху: молодой был, хотелось немного пофорсить.

С войны вернулись не все. Мой отец пришёл весь израненный, с перебитой рукой. Помню, как в этот день я вернулся с работы, открыл дверь и... увидел отца. Мне было уже тринадцать, но я прижался своим лбом к его колючей щеке и не мог вымолвить ни слова. У меня перехватило дыхание, по моим щекам текли слёзы, слёзы счастья...

Жить после войны стало полегче: колхозникам разрешили держать скот, давали косить, на трудодни выдавали зерно, хлеб, картофель.

Трудности военной поры сказались на здоровье: в 22 года я стал инвалидом по зрению и работать в колхозе не смог. Спустя четыре года устроился на Котельничское предприятие слепых: пряли пряжу, вили верёвку, каболку делали. Жили очень скромно: на 250 рублей только хлеб покупали. Когда перешёл на каболку, платить стали больше. Но не хватало смолы, чтобы увеличить её производство. Тогда я предложил сварить столитровый котёл, и выпуск каболки увеличился вдвое. В моей памяти остался страшный пожар на предприятии. Как потом выяснилось, возгорание произошло от печки. С ходу всё обняло пламенем, рабочие еле успели выскочить. Мне чудом удалось шесть мотков каболки выбросить, а было её два ряда в мой рост. Ещё мы с Александром Криницыным, рискуя жизнью, трёхсотлитровую бочку со скипидаром по снегу откатали, чтобы не взорвалась...

Иван Васильевич Присмотров прожил долгую жизнь, полную как радостей, так и лишений. Несмотря на инвалидность, от жизни старался не отставать: смотрел телевизор, интересовался, что происходит в стране и мире. Самым любимым праздником для него был День Великой Победы.

*Какие бы проблемы ни потрясли нас, что ни год,
Куда бы жизнь ни дёргала нас – влево или вправо,
Но этот день навечно скорбной датой войдёт –
Его предать забвению мы не имеем права!*

*Материал подготовила
Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*